

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ХЛЕБУШЕК

Хлебушек

Чистый лист

«Автор»

2026

Хлебушек

Чистый лист / Хлебушек — «Автор», 2026

После тяжёлой аварии журналист Женя Белов пытается собрать заново собственную жизнь. Однако прошлое не спешит оставаться прошлым. Оно напоминает о себе чужими словами, случайными встречами и вопросами, на которые у него нет ответов. Каждый новый шаг к истине лишь сильнее запутывает происходящее, заставляя сомневаться в собственных воспоминаниях и в самом себе.

© Хлебушек, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Белая палата	9
Глава 2. Чужая квартира	15

Хлебушек Чистый лист

Пролог

Ноябрь 2018 года

Дождь закончился около часа назад, но лес ещё шумел каплями. Они срывались с веток, глухо ударяли по крыше машины и скатывались по стёклам. Над асфальтом лежал редкий туман; в свете фар он медленно тянулся через дорогу и исчезал среди голых деревьев.

Последний фонарь остался в нескольких километрах позади — вместе с автобусной остановкой, закрытым магазином и редкими домами. Здесь дорога принадлежала только лесу.

На широкой обочине стояла тёмная машина. Двигатель работал, из выхлопной трубы поднимался белый пар. В салоне было жарко. Боковые стёкла успели запотеть, а по лобовому медленно сползали капли, оставшиеся после дождя.

Человек за рулём сидел неподвижно.

Правая рука лежала на руле, левая прикрывала глаза. Пальцы массировали переносицу, но головная боль не отступала. Стоило закрыть глаза, как снова появлялись обрывки сегодняшнего вечера.

Чужие голоса.

Старые фотографии.

Пыльные документы, которые рассыпались на сгибах.

И даты. Утром они казались бессмысленным набором цифр. Теперь выстраивались в последовательность, для которой он не находил безопасного объяснения.

Он открыл глаза и посмотрел на дорогу.

Нет. Где-то должна быть ошибка.

В документах. В записях. В его собственных выводах.

Тишина сначала помогала. После нескольких часов разговоров, хлопанья дверей и шороха старой бумаги хотелось только одного — чтобы вокруг наконец стало тихо. Но за четыре минуты, проведённые на обочине, тишина изменилась. Теперь в ней слишком отчётливо слышались двигатель, печка и едва заметное потрескивание пластика.

Он перевёл взгляд на пассажирское сиденье.

Там лежал старый блокнот. Тёмная обложка выцвела, края размякли от сырости, корешок был перетянут пожелтевшим скотчем. Из-под резинки торчали несколько сложенных листов и угол чёрно-белой фотографии.

На верхнем листе виднелись ровные строчки, перечёркнутые поздними пометками синей ручкой. Под ним — часть схемы. С такого расстояния надписи было не разобрать, но он и без того помнил их почти дословно.

Он слишком долго читал эти записи.

Достаточно долго, чтобы отдельные слова теперь проступали на внутренней стороне век.

Рука потянулась к блокноту и остановилась. В одиннадцатый раз там не появится ничего нового. Те же фамилии. Те же даты. Та же подпись под последней страницей.

Он отвернулся.

Совпадения можно объяснить. Ошибки в старых архивах — тоже. Документ мог оказаться черновиком, фотография — не иметь отношения к записям, чужая фамилия — принадлежать другому человеку.

Но всё сразу уже не выглядело случайностью.

Большой палец несколько раз прошёлся по стёртому участку рулевой оплётки. Привычное движение обычно помогало привести мысли в порядок. Сейчас не помогло.

Он думал не о документах и не о схеме.

О человеке.

О лице на старой фотографии, которое узнал сразу.

На снимке оно было моложе, худее, непривычно серьёзное. Но ошибиться он не мог. Именно поэтому всё остальное внезапно приобрело смысл, от которого хотелось избавиться.

Он посмотрел в боковое окно.

За стеклом стоял тёмный лес. Поверх него отражалось собственное лицо — бледное, усталое, почти чужое.

— Паранойя, — тихо произнёс он.

Слово прозвучало неубедительно.

На приборной панели горели зелёные цифры:

22:47.

Прошло всего четыре минуты с тех пор, как машина остановилась.

Всего четыре.

Он откинулся на спинку сиденья. Можно было вернуться домой, убрать блокнот в ящик и лечь спать. Утром события этого вечера наверняка покажутся менее значительными. Появится простое объяснение, которое сейчас ускользает из-за усталости.

Он почти поверил в это, пока снова не посмотрел на торчащий из блокнота угол фотографии.

Домой ехать было нельзя.

Не потому, что там его могла ждать опасность. Эта мысль была бы слишком простой и даже успокаивающей. Просто дома он останется с находкой один на один. Будет лежать с открытыми глазами, перебирать версии и ждать утра, хотя уже сейчас понимал: самостоятельно он не разберётся.

Нужно было кому-то позвонить.

Мысль пришла не сразу, но, появившись, вытеснила остальные. Разговор всё равно состоится — сегодня или завтра. Разница заключалась лишь в том, хватит ли ему смелости сделать первый шаг сейчас.

Телефон лежал на центральной консоли. Чёрный экран отражал тусклый свет приборной панели.

Он протянул руку, но не взял его.

Странно, насколько тяжёлым может оказаться самое простое действие. Нужно всего лишь разблокировать экран, выбрать имя и нажать на кнопку. Но именно выбор был опаснее всего.

Он не знал, кому теперь можно доверять.

Наконец телефон оказался в руке. Экран вспыхнул холодным светом, заставив сощуриться. Уведомления появились одно за другим, но он не стал их читать и открыл «Избранное».

На экране было четыре контакта.

Лена.

Мама.

Алексей Миронов.

Дядя Саша.

Ещё вчера выбор показался бы очевидным. За каждым именем стоял человек, которому он привык доверять, и этого всегда было достаточно. Сегодня любое из них могло оказаться ошибкой.

Палец завис над экраном.

Позвонить тому, кто выслушает и не задаст лишних вопросов?

Тому, кто приедет, если попросить?

Или тому, кто, возможно, уже знает ответы?

Он перевёл взгляд на блокнот. По размокшей обложке тянулась светлая царапина. Раньше он её не замечал. Она пересекала поверхность почти по диагонали и обрывалась у резинки, словно блокнот пытались чем-то поддеть.

Эта мелочь ничего не доказывала. И всё же именно она заставила принять решение.

Он выбрал контакт.

Телефон коротко дрогнул в руке. В салоне раздался первый гудок.

Он прозвучал неожиданно громко. Мужчина убавил звук и посмотрел в зеркало заднего вида. Позади не было ничего, кроме красноватого отсвета габаритов на мокром асфальте.

Первый гудок стих.

Второй показался длиннее.

На мгновение возникло почти детское желание сбросить вызов, завести машину и уехать, пока никто не успел ответить. Сделать вид, что звонка не было. Что блокнот всё ещё лежит там, где пролежал много лет, а сегодняшний вечер ничем не отличается от любого другого.

Он уже поднёс палец к экрану, когда в динамике раздался щелчок.

Вызов приняли.

Несколько мгновений на другом конце слышалось только дыхание.

Затем знакомый голос произнёс:

— Д-да, я слушаю...

Он открыл рот, но первые слова так и не прозвучали.

В зеркале заднего вида появились фары.

Машина вышла из-за поворота далеко позади. Белый свет заметался по мокрому асфальту, на мгновение выхватил стволы у обочины и вернулся на дорогу.

Человек за рулём машинально выпрямился.

— Ты меня слышишь? — спросили в телефоне.

— Да. Мне нужна помощь.

Он включил громкую связь и положил телефон рядом с блокнотом. Потом снял машину с ручника, ещё раз взглянул в зеркало и потянул рычаг коробки передач. Фары оставались достаточно далеко.

Машина мягко тронулась с обочины. Передние колёса выбрались из размокшей колеи на асфальт, задние на мгновение пробуксовали. Он выровнял руль и прибавил газ.

— Что случилось?

— Я нашёл кое-что. Старые записи и...

Салон залило белым светом.

На стёклах разом проступили царапины, пыль и следы высохших капель. Собственная тень метнулась по приборной панели. Он поднял глаза к зеркалу — и на мгновение ничего не увидел, кроме двух слепящих кругов.

Фары, секунду назад казавшиеся далёкими, стремительно разрастались.

Возможно, он неправильно оценил расстояние. Возможно, та машина шла намного быстрее, чем показалось.

Он вдавил педаль газа.

Двигатель взревел. Машина рванулась вперёд, но задние колёса попали на полосу мокрой земли у края асфальта и сорвались в пробуксовку. Из-под них полетели грязь и мелкие камни. Автомобиль качнуло вправо. Он выровнял руль, снова нажал на газ и услышал, как мотор захлёбывается на высоких оборотах.

Белый свет уже заполнил зеркало целиком.

Сзади не раздалось ни сигнала, ни визга тормозов.

Он успел сильнее сжать руль.

Первый удар был не похож на грохот. Скорее на короткий, чудовищно тяжёлый толчок, от которого кузов разом потерял форму. За спиной лопнул металл, заднее стекло осыпалось внутрь, и воздух наполнился мелкой холодной крошкой.

Голову швырнуло назад. Затылок ударился о подголовник, челюсти сомкнулись так резко, что во рту появился вкус крови. Руль вырвался из рук.

Машину развернуло поперёк дороги.

Мир за окнами пришёл в движение: мокрый асфальт, белые дорожные столбики, чёрные деревья, чужие фары. Всё пронеслось по кругу и смешалось в одну рваную полосу. Шины на мгновение зацепились за покрытие с протяжным визгом, затем правые колёса соскочили с асфальта.

Телефон подлетел над пассажирским сиденьем и ударился о панель. Блокнот раскрылся в воздухе. Несколько листов вырвало из-под резинки, и они разлетелись по салону, прилипая к запотевшим стёклам.

Из динамика донёсся далёкий, искажённый треском голос:

— Алло?.. Что случилось? Ты меня слышишь?

Он снова поймал руль, но тот проворачивался почти без сопротивления. Машина боком скользила по размокшей обочине. Под днищем забарабанили камни; что-то оторвалось и с металлическим скрежетом потащилось по земле.

Потом передние колёса провалились в кювет.

Автомобиль резко накренился. Плечо ударилось о дверь. Свет фар нырнул вниз, выхватил из темноты бурую воду, спутанную траву и корни. На капоте с сухим треском ломались ветки. Одна хлестнула по лобовому стеклу, оставив белую звезду прямо перед его лицом.

Он нажал на тормоз, хотя тормозить было уже поздно.

Машину подбросило на краю канавы. На короткое мгновение она словно зависла, и в этой внезапной невесомости он увидел впереди толстый сосновый ствол — мокрый, блестящий, залитый собственными фарами.

Ствол стремительно заполнил лобовое стекло.

Второй удар заглушил всё.

Глава 1. Белая палата

— Евгений. Евгений, если слышите меня, сожмите пальцы.

Чьи-то пальцы касались его правой ладони — сухие, прохладные. Он попробовал сжать их. Кисть отозвалась не сразу, как чужая, которую он слишком долго держал под собой во сне.

— Хорошо. Ещё раз.

На этот раз получилось лучше. Большой палец скользнул по гладкой коже медицинской перчатки. В ответ человек коснулся его запястья и задержался там, отсчитывая удары.

Евгений открыл глаза.

Свет был плоским и белым. Он не падал сверху, а заполнял всё пространство: потолок с квадратными панелями, стену, металлическую стойку с прозрачным пакетом. Линии расплывались, снова сходились. Пришлось зажмуриться. Под веками поплыли красные пятна.

Пахло антисептиком, нагретым пластиком и чем-то сладковатым, больничным. Под лопатками сбилась влажная простыня. Пластырь на сгибе локтя тянул кожу, а в вене холодела тонкая струйка раствора.

— Не спешите, — сказал тот же голос. — Сначала просто дышите.

Евгений вдохнул.

Слева под рёбрами натянулась тугая полоса. Боль пришла следом — резкая, точная. Она заставила оборвать вдох и прижать локоть к боку, но левая рука почти не двинулась. Плечо удерживала плотная повязка. Во рту было сухо, язык казался шершавым, горло саднило.

— Где я?

Собственный голос прозвучал низко и хрипло.

— Вы в больнице. Я Василий Иванович, ваш лечащий врач. Вы попали в аварию.

Над ним склонился мужчина лет пятидесяти в светло-синей медицинской куртке и расстёгнутом белом халате. На переносице остался красный след от очков. Василий Иванович посветил Евгению в один глаз, затем в другой. Луч резанул до затылка.

— Как вас зовут?

Вопрос показался глупым. Имя уже произнесли, но врач ждал.

— Евгений Белов.

— Сколько вам лет?

— Тридцать один.

— Какой сейчас год?

— Две тысячи восемнадцатый.

— Месяц?

— Май.

Врач не кивнул. Несколько секунд он просто смотрел на Евгения, потом погасил фонарик.

— Почему май?

— Потому что сейчас май.

Ответ прозвучал увереннее, чем он себя чувствовал. Евгений закрыл глаза и потянулся к последнему обычному дню.

Редакция. Окна открыты настежь, но в комнате всё равно душно. В щель moskitной сетки набился тополиный пух. Он прилипает к чёрной раме, шевелится от сквозняка. Со стороны проспекта доносится трамвайный звон; во дворе-колодце он звучит глуше и дольше. На столе стынет кофе, рядом лежит распечатка с правками. Кто-то за спиной спорит из-за заголовка. Евгений обещает закончить текст до обеда и смотрит на календарь над принтером.

Май.

Солнечный прямоугольник лежит на столе и греет предплечье. Он двигает кружку в тень, чтобы молоко не скисло.

Дальше ничего не было.

Не темнота и не туман. Память просто заканчивалась — ровно, без обрывков, как дорога у бетонной стены.

Евгений открыл глаза.

— Сейчас конец ноября, — сказал врач.

Сначала Евгений решил, что ослышался. Гул вентиляции стал громче, хотя она работала так же. В пакете над кроватью сорвалась капля, пробежала по трубке и исчезла под пластырем.

— Какого года?

— Две тысячи восемнадцатого.

— Тогда я был без сознания полгода?

— Нет. Авария произошла три дня назад.

Врач произнёс это спокойно, оставляя между фразами достаточно места. Евгений попробовал соединить их сам.

Май. Ноябрь. Три дня.

Шесть месяцев, в течение которых он ходил по улицам, разговаривал, работал, ложился спать и просыпался, исчезли целиком. Не отдельный вечер перед аварией. Не несколько часов.

Полгода.

Он попытался подняться. Плечо дёрнуло болью, под рёбрами будто затянули проволоку. Потолок качнулся, к горлу подступила тошнота.

— Лежите.

Врач прижал ладонь к его здоровому плечу и нажал кнопку на пульте. Изголовье кровати медленно поднялось. Матрас зашуршал под спиной.

— Я должен что-то помнить.

— Сейчас вы должны дышать и не потерять сознание второй раз.

Евгений упёрся затылком в подушку. По виску под повязкой расползлось горячее давление. Он снова полез в память, теперь уже намеренно, с усилием.

Лето.

Ничего.

Июнь — пусто. Июль, август, сентябрь, октябрь. Слова обозначали месяцы, но ни за одним не возникало ни лица, ни комнаты, ни запаха. Он мог вспомнить прошлую зиму, мог увидеть, как в январе тащил по двору машину Лены, застрявшую в рыхлом снегу. Помнил отцовские похороны, школьный спортзал, первую редакционную планёрку. Чем дальше он отступал от мая, тем свободнее открывалась память.

Но последние полгода были вырезаны без остатка.

— Что со мной?

Василий Иванович взял с края кровати планшет.

— Сотрясение, ушиб грудной клетки, трещина в ребре, вывих плеча, порезы от стекла. Повреждений мозга, требующих операции, мы не видим. Провал памяти похож на ретроградную амнезию.

— Полгода — это нормально?

— После травмы память ведёт себя по-разному. Я не буду обещать, что всё вернётся завтра. И не стану утверждать, что не вернётся никогда. Наблюдаем, делаем обследования, не торопимся с выводами.

— Очень обнадеживает.

— Ложь обнадеживает быстрее. Но ненадолго.

Врач произнёс это без назидания. Он проверил повязку у Евгения на виске, попросил пошевелить стопами, поднять правую руку и назвал три слова: «лимон», «ключ», «трамвай». Велел повторить их сейчас и через несколько минут.

— Лимон, ключ, трамвай.

— Хорошо. Как зовут вашу мать?

— Татьяна Белова.

— Кем вы работаете?

— Журналистом.

Ответы приходили сразу. Евгений видел здание редакции, знал, на каком этаже заедает кнопка лифта, помнил номера рабочих телефонов и пароль от старой почты. В голове сохранились лица коллег, приёмы, привычки, разговоры. Всё было на месте — до последнего майского дня.

— Василий Иванович, сколько я здесь?

— Почти трое суток. Большую часть времени вы находились под седацией. Сейчас показатели стабильные, но вставать без медсестры запрещено. Даже если покажется, что можете.

— Лимон, ключ, трамвай.

Врач позволил себе короткую улыбку.

— Кратковременная память работает. Это хороший признак.

Он убрал фонарик в карман.

— Сейчас я впускаю родственников. Ненадолго. Если усилится тошнота, поплывёт зрение или станет труднее дышать — сразу говорите. И не пытайтесь успокаивать их ценой собственного состояния.

Дверь закрылась почти бесшумно.

Евгений остался один с белым потолком и шестью месяцами, которых не существовало.

За стеной прокатили тележку. Колёса мерно ударили о стыки напольного покрытия. Где-то дальше женщина попросила принести телефон, потом повторила громче. Из коридора тянуло варёной капустой и кофе из автомата. Обычные звуки и запахи делали аварию ещё менее правдоподобной. Слово не подходило к нему, как фамилия незнакомого человека.

Он осторожно повернул голову к окну. В стекле отражалась кровать и человек на ней — бледный, небритый, с пластырем над бровью и жёлтым пятном на скуле. За отражением темнел ноябрьский Петербург: низкое небо слилось с мокрыми крышами, голые ветви пересекали трамвайные провода, жёлтый свет фонарей дрожал на асфальте. Где-то за домами вагон с металлическим скрежетом вошёл в поворот и затих. Дождевые капли на стекле вытягивали огни в длинные мутные полосы.

В мае деревья уже были зелёными.

Эта простая мысль испугала сильнее слов врача.

Дверь открылась.

Мать остановилась на пороге. На ней был серый свитер, который Евгений помнил много лет, и чужая синяя куртка поверх него. Волосы оказались короче, чем в последнем воспоминании, и неровно лежали у висков. В правой руке она держала сумку, в левой — бумажный стаканчик с давно остывшим кофе.

— Мам.

Стаканчик смялся под её пальцами.

Она поставила его на тумбочку и подошла. Наклонилась, но в последний момент не обняла, боясь задеть повязки. Только провела ладонью по его волосам там, где не было пластыря. От пальцев пахло холодным воздухом и дешёвым мылом из больничного туалета.

— Женечка... Ты меня узнал.

— Конечно.

— Сказали, ты можешь... что ты не сразу...

— Я тебя узнал.

Мать кивнула несколько раз. Глаза у неё покраснели, но она не плакала. Вместо этого принялась разглаживать край одеяла.

— Ты подстриглась, — сказал Евгений.

Она коснулась волос.

— В августе.

В комнате на секунду стало слышно только вентиляцию.

За её спиной появился высокий мужчина в тёмном свитере. В одной руке он держал пакет с водой, влажными салфетками и зарядным устройством, в другой — пальто Татьяны. На плечах свитера таяли мелкие капли. Он принёс с собой запах улицы, мокрой шерсти и крепкого кофе.

Евгений узнал его сразу.

— Дядя Саша.

Александр Павлов остановился. Лицо у него дрогнуло — быстро, почти незаметно. Он поставил пакет на стул, снял очки и потёр переносицу.

— Ну наконец-то, — сказал он. — А то твоя мать уже решила уволить всех врачей и лечить тебя сама.

— Не выдумывай, — отозвалась Татьяна, не оборачиваясь.

— Я всего лишь возвращаю человеку волю к жизни.

Павлов подошёл и осторожно положил ладонь Евгению на здоровое плечо. Не сжал и не похлопал, просто подержал несколько секунд. Ладонь была тёплой.

— Напугал ты нас, Евгешка.

Так его не называли почти двадцать лет. От короткого «Евгешка» всплыло лето на даче: стол под яблоней, полосы солнца на клеёнке, Павлов моложе, с закатанными рукавами, спорит с Виктором о том, сколько угля нужно для шашлыка. Отец стоит у мангала спиной. Евгений мысленно окликает его, и воспоминание послушно поворачивается: отец смеётся, щурясь от дыма.

С этим всё было в порядке.

— Что произошло? — спросил Евгений.

Татьяна перестала трогать одеяло.

Павлов придвинул стул для неё, себе оставил узкий подоконник.

— Машина съехала с дороги километрах в сорока от Петербурга, — сказал он. — Ударилась о дерево. Полиция пока ничего толком не знает. Дождь, мокрый асфальт. Возможно, тебя зацепила другая машина, но это ещё проверяют.

— Я был один?

— В твоей машине — да.

— Куда я ехал?

Мать посмотрела на Павлова. Тот не торопился отвечать.

— Мы не знаем, — сказал он. — Ты никому не сказал.

Евгений прикрыл глаза. Ночная дорога. Дождь. Сорок километров от города.

За этими словами не возникло ни одной картинки.

— Телефон нашли?

— Разбит. Сейчас у полиции вместе с остальными вещами. Я договорился, тебя не будут дёргать с показаниями, пока врач не разрешит. Машина на стоянке. Со страховкой тоже разберёмся, об этом не думай.

Павлов говорил без нажима, перечисляя решённые задачи. Документы. Полиция. Страховая компания. В его присутствии неприятности всегда становились списком, а список можно было пройти сверху вниз.

— Здесь не похоже на районную больницу. Это ты добился перевода? — спросил Евгений.

— Скорая сначала отвезла тебя в районную больницу. Здесь освободилось место, и нейрохирург был на смене. Ничего героического.

— Он поднял на ноги половину города, — сказала Татьяна.

— Не половину. Максимум треть.

Павлов достал бутылку, открутил крышку и налил воды в пластиковый стакан. Поднял изголовье кровати, сперва спросив взглядом разрешения, и подал стакан Евгению. Рука у того дрожала. Павлов сделал вид, что не заметил, лишь придержал снизу.

Вода пахла пластиком, но после первого глотка горло перестало царапать.

— Лена была? — спросил Евгений.

— Ночью приезжала, — ответила мать. — Тебя уже перевели, её не пустили. Сегодня тоже звонила.

В последнем воспоминании о Лене было открытое окно спальни. Майская ночь, шум машин с проспекта, её голая ступня поверх одеяла. Они собирались на выходных купить шторы, потому что утреннее солнце било прямо в лицо.

Шторы они наверняка купили. Возможно, успели выбросить, поссориться из-за них или переехать. Для него этого не произошло.

— Мы с ней всё ещё вместе?

Татьяна слишком быстро взяла смятый стаканчик с кофе и понесла к мусорному ведру.

— Сам у неё спросишь, — сказал Павлов. — Я в ваши отношения не лезу. Мне моей личной жизни хватает.

— У тебя нет личной жизни.

— Вот видишь, сколько она отнимает сил.

Евгений улыбнулся и тут же поморщился: разбитая губа лопнула, на языке появился солоноватый вкус.

Павлов поднялся с подоконника.

— Всё, хватит на сегодня. Тебе надо отдыхать.

— Подожди. Что я делал эти полгода?

Татьяна обернулась от мусорного ведра.

— Работал, наверное. Ты почти ничего не рассказывал.

— Как это — наверное?

— Сначала говорил, что занят большим материалом. Потом перестал говорить и об этом. Реже приезжал. На звонки отвечал не всегда.

— Что за материал?

— Ты не сказал.

Евгений перевёл взгляд на Павлова.

— А тебе?

— Мне особенно, — ответил тот. — Ты считал, что я задаю слишком много вопросов.

— Похоже на тебя.

— Вот и я не обиделся.

Евгений представил свой рабочий стол. Пальцы на клавиатуре, открытый документ, заголовок. Вместо текста перед глазами возникало белое поле, залитое светом экрана. Он знал, как проверять факты, как разговаривать с человеком, который не хочет отвечать, как из двух противоречивых показаний вытащить третью версию. Но не помнил ни одной строки, написанной после мая.

— За полгода я ни разу не называл тему?

— Мне — нет, — сказала мать.

— И ты не спросила?

Татьяна отступила от кровати. Совсем немного, на половину шага, но Евгений заметил.
— Спрашивала. Ты злился.

Под рёбрами снова сдавило, теперь не только от вдоха. Полгода его жизни существовали в воспоминаниях других людей, и каждый из них, похоже, получил другого Евгения — скрытного, раздражительного, занятого чем-то, о чём он не хотел рассказывать даже матери.

— Я даже не помню, зачем оказался в том лесу.

— Разберёмся, — сказал Павлов. — Но не за один вечер.

В этих словах была уверенность. Павлов соглашался с целью и спорил только со сроками. Татьяна вернулась к кровати, взяла Евгения за руку. Её пальцы были холодными.

— Главное, что тебя нашли.

Он посмотрел на неё.

— Кто?

Мать перевела взгляд на Павлова, теперь уже не из растерянности. Похоже, она просто не знала подробностей.

— Алексей, — сказал Павлов.

Имя сразу вызвало лицо: тёмные волосы, привычка шуриться на экран, тонкий шрам у подбородка. Алексей Миронов. Они познакомились в университете и со временем стали друг другу почти братьями. Могли не разговаривать неделями, не считая это ссорой.

— Он ехал следом?

— Говорит, нет. Позвонил в скорую и мне. Когда спасатели добрались до места, он уже стоял возле машины.

— Он здесь?

— Нет.

— Приходил, пока я спал?

Павлов покачал головой.

— После той ночи — ни разу. Я звонил ему. Отвечает через раз и разговаривать не хочет.

Это не вязалось с человеком, которого Евгений помнил. Однажды, на втором курсе, он подвернул ногу на лестнице общежития. Обычное растяжение. Алексей просидел с ним в травмпункте почти до утра, ругаясь на очередь, врачей и самого Евгения. Потом ещё неделю проверял, не пытается ли тот ходить без эластичного бинта.

Теперь он нашёл Евгения в разбитой машине и исчез.

— Как он узнал, где меня искать?

— Не объяснил, — сказал Павлов. — Я думал, ты знаешь.

Евгений повернулся к матери.

— Дай, пожалуйста, телефон.

— Женя, врач сказал...

— Я только позвоню.

Татьяна достала телефон из сумки. Чехол был липким от пролитого кофе. Евгений нашёл в контактах Алексея и нажал на вызов.

Павлов не пытался остановить. Собрал со стола пустой стакан и отошёл к окну. В стекле поверх его отражения текли дождевые дорожки.

Первый гудок.

Второй.

На третьем связь оборвалась.

Евгений посмотрел на экран. Почти сразу появилось сообщение.

«Не звоните. Я сам свяжусь».

Без приветствия. Без вопроса о его состоянии.

Евгений перечитал четыре коротких слова и снова набрал номер.

Теперь Алексей сбросил сразу.

Глава 2. Чужая квартира

На девятый день Василий Иванович разрешил ему вернуться домой.

Разрешил — слово было точным. Евгений расписался в трёх местах, выслушал наставления о таблетках, сне и внезапной тошноте, пообещал не работать, не водить машину и не пытаться вернуть память усилием воли. Последнее прозвучало так, будто память была тяжёлой дверью, которую он мог сорвать с петель, если навалится плечом.

На выходе из отделения мать остановила его, застегнула куртку до подбородка и поправила шарф.

— Мам...

— Что?

— Мне тридцать один.

— А молнию застегнуть всё равно некому.

Она отступила на шаг, осмотрела его и осталась недовольна. Синяк у виска пожелтел, порезы на щеке стянулись тонкими корочками. Левую руку он держал ближе к телу: плечо отзывалось на каждое неловкое движение. Под курткой тугая повязка сдавливала рёбра, и от этого даже неглубокий вдох казался взятым взаймы.

На улице шёл мокрый снег.

Снежинки долетали до земли тёмными каплями. У больничного крыльца блестел раскисший песок, вдоль бордюра лежала рыхлая серая каша. Евгений остановился под козырьком. После девяти дней белых стен город оказался слишком большим и подвижным: автобусы выдыхали облака пара, люди торопились, прикрывая лица воротниками, на мокром асфальте дробились фары.

Он ждал, что Петербург узнает его первым.

Город не узнал.

Мать взяла его под здоровую руку и подвела к такси.

В машине пахло сосновым ароматизатором и влажными ковриками. Водитель без спроса убавил радио, заметив больничный пакет. Они ехали медленно. Снег лип к лобовому стеклу и исчезал под дворниками, оставляя прозрачные полукружья. Евгений называл про себя улицы раньше, чем видел таблички, узнавал повороты, знал, где поток замедлится и в каком ряду лучше держаться перед мостом. Эта память работала безупречно. Она вела его через город и обрывалась там, где начинались последние полгода.

На Университетской набережной ветер качнул машину. За мокрым гранитным парапетом темнела Нева; по воде шли короткие злые волны. Автобус у остановки выпустил пассажиров и закрыл вид на другой берег. Никакой торжественности — мокрый камень, красный светофор, люди у перехода.

У матери в сумке коротко завибрировал телефон.

— Саша спрашивает, доехали ли мы.

Евгений машинально коснулся кармана. Его телефон оставался у полиции вместе с вещами из машины; в больнице он звонил с аппарата матери.

— Напиши, что почти.

Рядом мать следила за дорогой так внимательно, словно от её взгляда зависело, не попадут ли они во вторую аварию.

— Он предлагал сам нас отвезти, — сказала она.

— У него же работа.

— Вот я и сказала, что справимся.

На Четырнадцатой линии такси остановилось у знакомой арки. Над входом в булочную горела новая вывеска — белые буквы на чёрном, слишком чистые для этого фасада. В мае

там ещё висел выцветший крендель. Евгений помнил, как хозяин каждое утро выставлял на тротуар меловую доску, а ветер переворачивал её к обеду.

Теперь доски не было.

В арке тянуло сыростью и дрожжами. Под ногами блестела стёртая плитка, в глубине двора-колодца горело одно окно. Евгений поднял голову. Наверху, между стенами, лежал тесный клочок неба. Снег падал туда медленно, будто во двор он попадал уже уставшим.

Код парадной вспомнился пальцам. Четыре цифры возникли сами, и замок щёлкнул.

— Вот видишь, — обрадовалась мать. — Помнишь же!

Евгений ничего не ответил.

Лестница тоже была на месте: широкие ступени, выщербленные по краям, зелёная краска на стенах, чёрные перила с холодными латунными набалдашниками. На втором этаже пахло кошачьим кормом, на третьем — жареным луком. Он заранее знал, какая половица хрустнет перед площадкой, и всё равно вздрогнул, когда она хрустнула.

Дом принимал его небольшими доказательствами.

Перед квартирой Евгений остановился.

Дверь была его. Тёмное дерево, длинная царапина у нижней петли, круглый след от снятой наклейки. Но вместо обычной замочной скважины под ручкой стояла матово-чёрная панель. Когда мать поднесла палец, панель ожила и зажглась холодным синим светом.

— Это что?

Мать посмотрела на него.

— Замок.

— Я вижу. Откуда он?

Она не успела ответить. За дверью послышались шаги, щёлкнул внутренний засов.

На пороге стояла Лена.

Лена выглядела хуже, чем в майском воспоминании. Тёмно-русые волосы, обычно распущенные до ключиц, она стянула в тугой хвост. Узкое лицо казалось острее; заметнее стали небольшая горбинка на носу и родинка у левого виска. Серо-зелёные глаза она держала опущенными.

На Лене был старый серый свитер Евгения — тот самый, который она давно считала своим, — и чёрные джинсы. Она смотрела не на его лицо, а ниже: на повязку под расстёгнутой курткой, на руку, которую он берёт.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Он сделал движение к ней, почти не подумав. Лена отступила, освобождая проход.

Всего полшага. Этого хватило.

Мать заговорила сразу — громко, деловито, будто ничего не заметила:

— Я купила продукты. Суп в контейнере, только разогреть. Таблетки после еды, я всё подписала. Лена, ты посмотришь?

— Посмотрю.

Евгений вошёл.

Прихожая была знакомой и чужой одновременно. Зеркало с тёмным пятном у края, крючок, который вечно выпадал из стены, старая обувница — всё оставалось там, где он помнил. Но на крючке висел чёрный дождевик, которого он никогда не видел. Под обувницей стояли заляпанные глиной ботинки. Его размера, но не его.

Он снял куртку. Лена протянула руку, чтобы помочь, и тут же убрала её.

— Плечо? — спросила она.

— Вывих. Уже вправили.

— Я знаю.

— А как иначе-то...

Фраза прозвучала глупо. Они замолчали.

Мать прошла на кухню, зашуршала пакетами. Евгений медленно двинулся по коридору, касаясь стены здоровой рукой. Не для опоры — чтобы убедиться, что обои настоящие. Под пальцами чувствовались швы и знакомая выпуклость над выключателем. Он сам клеил эту полосу три года назад и тогда разозлился, что рисунок не сошёлся.

В комнате стало темнее.

На окне висели плотные зелёные шторы.

— Мы всё-таки купили их, — сказал он.

Лена остановилась за спиной.

— Ты купил.

— Без тебя?

— Без меня. В июне.

Он провёл пальцами по ткани. В последнем воспоминании они лежали в постели и спорили: Лена хотела серые, он говорил, что серые превратят спальню в офис. Спор закончился ничем. Теперь шторы были зелёными, выбранными человеком, который ещё носил его имя, но уже жил без него.

— Почему ты отступила? — спросил Евгений.

— Что?

— В дверях.

Лена скрестила руки на груди.

— Тебе врач не сказал, что в первый день нельзя устраивать допросы?

— Это не допрос.

— Тогда не задавай вопросы таким голосом.

— Каким?

Она усмехнулась, но в усмешке не было веселья.

— Вот таким.

Из кухни донёсся стук закрываемого шкафа. Мать давала им время, делая вид, что очень занята контейнерами.

Евгений посмотрел на Лену внимательнее. Под глазами у неё легли тени. На правой щеке, почти у уха, виднелась красная полоска — след от шарфа или подушки. Хотелось подойти, коснуться, спросить, где она спала этой ночью. Тело помнило близость, которой между ними уже не было.

— Для меня мы вчера выбирали шторы, — сказал он. — Всё, что было потом, исчезло.

— Очень удобно.

— Думаешь, я притворяюсь?

— Я думаю, ты умеешь не отвечать так, что виноватым остаётся тот, кто спросил.

Евгений почувствовал, как под повязкой стянуло рёбра.

— Что я сделал?

Лена посмотрела в сторону кухни.

— Тебя только что выписали из больницы. Не сегодня.

— Мне все говорят «не сегодня». Будто завтра у меня вырастут ещё полгода памяти.

— А если я расскажу, ты согласишься?

Евгений не ответил сразу.

— Не знаю. Но я постараюсь.

— Тогда не сегодня. Я не хочу снова доказывать тебе, что всё это действительно было.

Мать появилась в дверях с пустым пакетом.

— Я пойду, — объявила она. — Вам надо отдохнуть.

— Мам, ты ведь только что пришла.

— И уже всё сделала.

Она перечислила, где лежат лекарства и что можно есть, заставила его повторить время приёма таблеток. Перед уходом поцеловала в висок, затем неожиданно обняла Лену. Лена застыла, но через секунду ответила.

Входная дверь закрылась. Чёрная панель пискнула, повернулся механизм замка.

Тишина изменилась. В ней стало слышно, как в трубе идёт вода и как за стеной ребёнок раз за разом берёт на пианино одну и ту же ноту.

— Ты здесь живёшь? — спросил Евгений.

— Сейчас нет.

— С каких пор?

— С октября.

Он кивнул, будто получил обычный ответ на обычный вопрос.

— А где?

— У сестры.

— Мы расстались?

Лена долго смотрела на него.

— Я ушла, а ты не попытался меня остановить. Расставанием ты это тоже не назвал.

Евгений сел на край дивана. Перед глазами потемнело; пришлось подождать, пока комната перестанет качаться. Лена шагнула к нему, но он поднял ладонь.

— Всё нормально.

— Ты побледнел.

— Сейчас пройдёт.

Она принесла воду. Стакан был с тонкой синей полосой по краю; Евгений помнил, что таких было четыре. Сейчас на сушилке стояло два.

— Замок, — сказал он, сделав глоток. — Когда я его поставил?

— В августе. Сначала поменял обычный, через неделю установил этот.

— Зачем?

— Сказал, что кто-то заходил в квартиру.

— Кто?

— Если бы ты ответил, я бы запомнила.

Евгений посмотрел в коридор. Отсюда синяя точка на панели казалась глазом.

— У тебя был доступ?

— До октября. Потом ты его отключил.

— Как ты вошла вчера? И сегодня?

— Твоя мама дала мне свой код. Попросила проветрить квартиру и встретить тебя.

— Почему я отключил твой?

— Ты решил, что я взяла с твоего стола флешку.

Евгений уже открыл рот, чтобы спросить, брала ли она. Взгляд сам скользнул к её сумке у двери. Он остановился.

— Что я сделал?

— Потребовал показать сумку. Потом сам вытряхнул всё на стол.

— Нашёл?

— Нет. На следующий день флешка нашлась в кармане твоего дождевика.

Лена поставила стакан на стол. Вода качнулась и выплеснулась на деревянную поверхность.

— Ты не успел спросить, — сказала она. — Но я увидела, что ты собирался.

Евгений хотел возразить, но заметил, что всё ещё смотрит на её сумку у двери.

— Я правда этого не помню.

— Может быть. Только память исчезла, а привычка подозревать меня осталась. Поэтому я не знаю, как с тобой разговаривать.

— Прости, — сказал он.

Лена опустила взгляд на пролитую воду и вытерла её ладонью. Прощения не прозвучало. Евгений подождал, затем встал и прошёл к рабочей комнате.

Раньше это была маленькая спальня, в которую едва помещались стол, стеллаж и раскладное кресло. Он помнил стопки газет на полу, провода под ногами, кружки с засохшим кофе. Теперь комната выглядела почти пустой.

Камера ноутбука была заклеена чёрной изолентой. Ещё одна полоска закрывала микрофон сбоку. На книжной полке между сборником судебных очерков и старым атласом Петербурга зиял ровный промежуток шириной в ладонь. Пыль вокруг него лежала серым слоем, внутри остался чистый прямоугольник.

Над столом светлело большое прямоугольное пятно. По углам торчали четыре дюбеля; один был вырван вместе с кусочком штукатурки, от него по обоям тянулась косая царапина.

— Что здесь было?

Лена осталась в коридоре.

— Рабочая доска.

— Моя?

— Естественно, твоя.

— Что на ней?

— Фотографии. Карта области. Какие-то фамилии, даты. Ты снимал всё, когда я входила.

— И тебя это не насторожило?

— Меня всё настораживало, Жень. Я просто не знала, чего именно бояться.

Евгений коснулся ногтем надорванного края обоев.

— Когда ты видела её в последний раз?

— За неделю до аварии. Может, чуть раньше.

— А после?

— После я была здесь всего-то один раз. Вчера, когда твоя мама попросила проветрить. Доски уже не было.

— Папки на полке?

— Четыре серые. Ты не разрешал их трогать.

Четыре папки. Доска. Карта области.

Евгений поднял крышку ноутбука. Экран загорелся, показал его фотографию: он стоял на льду Финского залива, шурился от солнца. Снимок был старый, года три назад. В углу появилось поле для пароля.

Он ввёл тот, которым пользовался в мае.

Неверно.

Попробовал старый редакционный.

Неверно.

После второй попытки система на минуту заблокировала вход.

Лена прочитала сообщение через его плечо.

— Ты сменил пароль?

— Похоже.

Она посмотрела на него с усталой насмешкой.

— Последние месяцы ты видел угрозу во всём.

Евгений закрыл ноутбук. Чёрная изолента на камере была наклеена неровно, в два слоя. На краю остался отпечаток пальца, припорошенный пылью.

На нижней полке рядом с роутером лежал планшет. Сам планшет Евгений помнил, а приложение с чёрным значком в форме ключа — нет. Экран тускло ожил, показав четыре процента заряда. Отпечаток пальца всё ещё подходил.

— Это от замка?

Лена подошла ближе.

Приложение открылось без пароля. На схеме квартиры горела зелёная надпись: «Дверь закрыта». Ниже находился журнал действий. Евгений провёл пальцем по экрану. Даты уходили назад, имена повторялись: «Е.Б.», «Т.Б.», изредка «Е.М.».

— Е.Б. — я. Т.Б. — мама. Е.М. — ты.

— Всё верно.

Он листал дальше. Последняя запись с инициалами Лены относилась к началу октября.

В ночь аварии между его уходом и рассветом в журнале стояли три отметки.

Сначала — «открытие изнутри, 21:08».

Потом — «А.М., код принят, 03:17».

Через двадцать девять минут — ещё одно «открытие изнутри».

Евгений перечитал среднюю строку. В три часа семнадцать минут он лежал без сознания — либо ещё в разбитой машине, либо уже под руками врачей. Кто-то вошёл в его квартиру и провёл здесь почти полчаса.

Кто-то с инициалами человека, нашедшего его на дороге.

— А.М., — тихо сказала Лена.

Евгений погасил экран.

— Ты знаешь другого человека с такими инициалами?

— Нет. Но подписи к кодам задавал ты сам.

За стеной ребёнок снова нажал клавишу. На этот раз нота прозвучала чуть увереннее.

— Алексей не отвечает мне с больницы, — сказал Евгений.

Лена посмотрела на пустое место на стене, но ничего не сказала.

Детали складывались без усилия: Алексей первым оказался у разбитой машины, среди ночи вошёл в квартиру, после этого исчезли доска и папки, а теперь он избегал звонков.

— Ты раньше видела Алексея здесь?

— Да. В сентябре, наверное. Вы закрылись в этой комнате. Потом кричали.

— О чём?

— Когда я вошла, вы замолчали.

Евгений снова посмотрел на светлый прямоугольник над столом. Тот, прежний Евгений знал ответы. Он выбирал пароли, раздавал коды, заклеивал камеры, не доверял Лене и кричал на Алексея. Затем сел в машину, уехал за город и разбился.

Квартира принадлежала этому человеку.

— Тебе надо лечь, — сказала Лена.

— Через минуту.

Евгений снова сел за стол и выдвинул верхний ящик.

— Что ты делаешь?

— Проверяю, что ещё не забрали.

В первом ящике лежали ручки, скрепки и старые чеки. Во втором — зарядные провода, две батарейки и засохший маркер. Когда Евгений потянулся к нижнему, под рёбрами резануло болью.

Лена молча вынула ящик с направляющих, осмотрела заднюю стенку и поставила его на пол.

Ничего.

Он провёл ладонью по нижней стороне столешницы. У правого края пальцы зацепились за полосу чёрной изоленты — такой же, какой была заклеена камера ноутбука.

— Нашёл что-то? — спросила Лена.

Евгений поддел край ногтем. Изолента отошла с сухим треском, и ему на ладонь лёг небольшой плоский ключ с квадратной головкой. Без брелока, номера или надписи.

Металл оставил на ладони холодный след. Лена заглянула через плечо Евгения.

— Знаешь, от чего он? — спросила она.

Евгений сжал ключ в кулаке.

— Нет.

И впервые это слово прозвучало не как признание в беспомощности.

Ключ не забыли под столом. Его приклеили там, где можно было достать, не вставая с рабочего кресла.

Старый Евгений оставил его себе.

Вернулся за ним другой человек.